тийного аппарата. Он и Рожкова, и меня уговаривал брать деньги из кассы и был недоволен нашим отказом.

Влияние Ленина на входившую в соприкосновение с ним молодежь было огромное. С первого взгляда, он не посягал ни на чью независимость и был весьма терпим к мелким нарушениям партийной дисциплины. Но, в действительности, он систематически, последовательно вырабатывал из своих учеников и сотрудников армию покорных и фанатически преданных ему исполнителей.

В частных беседах с молодыми товарищами, даже у себя в Куокала, за чайным столом, Ленин ни на миг не переставал быть агитатором-организатором. Чувствуя на себе взгляд его прищуренных насмешливых глаз, собеседник не мог отделаться от ощущения, что «Ильич» читает его мысли.

Любимой темой «агитации» в тесном товарищеском кругу была для Ленина борьба с предрассудками, остатками «либеральных благоглупостей», которые он подозревал у новичков. Это была неуклонная, чрезвычайно ловкая, талантливая проповедь революционного нигилизма.

— Это смешно! Если на эту точку зрения становиться, то мы должны все бежать в полицию и заявить: мы, мол, такие то и такие то, арестуйте нас, дайте нам пострадать за народное дело!..

— Революция дело тяжелое. В беленьких перчаточках, чистенькими ручками ее не сделаешь?..

— Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец...

Когда при Ленине подымался разговор о том, что такой то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится.

Рожков передавал мне, что однажды он обратил внимание Ленина на подвиги одного московского большевика, которого характеризовал, как прожженного негодяя. Ленин ответил со смехом:

— Тем то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый.

Снисходителен был Ленин не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент[1].

Среди ближайших соратников Ленина эта тенденция принимала порой совсем курьезные формы. Так, А. Богданов, — один из образованнейших писателей-большевиков, — говорил мне:

— Кричат против экспроприаторов, против грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикаде взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова.

Большую роль в жизни большевистской организации играл вопрос о деньгах. В виду развития «профессионализма» денег требовалось много, — на один только Петербург не меньше 2—3 тысяч рублей в месяц.

Членских взносов не было, сборами на заводах старались не «злоупотреблять», все деньги шли из центра. Об источниках их нам не сообщалось: известно было только, что финансовые дела лежат на «Никитиче».

С этим «Никитичем» (Красиным) я встречался несколько раз, но всегда мельком. Знал я его, главным образом, со слов Ленина и Надежды Константиновны. У меня осталось отчетливое впечатление, что Никитич был в больше-

[1]) Как известно, так смотрели на уголовных преступников Бакунин и Нечаев. Но Ленин решительно отрицал связь своего взгляда на уголовных с бакунизмом.

вистской организации единственным человеком, к которому Ленин относился с настоящим уважением и с полным доверием.

Но несмотря на искусство и энергию «Никитича», денег у большевистского центра порой не хватало. В связи с этим в большевистской части Петербургского Комитета одно время горячо обсуждался вопрос об устройстве при комитете мастерской для изготовления фальшивых денег.

Проект сводился к следующему. Рабочие или служащие Экспедиции Изготовления Государственных Бумаг обещали передавать в большевистскую организацию не совсем законченные кредитки. Надо было доделывать эти бумажки, в частности, проставляя на них подписи и №№. Толковали, как изготовить клише с подписями, где приобрести нумератор, сколько все это будет стоить.

Дело, в конце концов, расстроилось: служащие Экспедиции отказались от своего предложения [1]).

* * *

С меньшевиками отношения у нас были довольно странные. Организация была общая, в Петербургский Комитет, как и в районные ячейки, входили представители обоих течений. Но совместной товарищеской работы не было и в помине, — по всему фронту кипела ожесточенная межфракционная борьба: боролись за каждую позицию, за каждый заводской, подрайонный или районный комитет.

Были заводы, где определенное течение господствовало настолько прочно, что другая сторона предпочитала не тратить сил на попытки преодолеть его влияние: так меньшевики одно время махнули рукой на Окружной район, а большевики мирились с меньшевистским «засилием» во Франко-Русском подрайоне.

[1]) Позже Вл. Ан. Жданов сообщил мне, что большевистский центр около этого времени вел с ним переговоры об организации изготовления фальшивых денег в Москве.

Как большевики имели в лице куокальского «центра» свой Ц. К., противостоявший официальному Центральному Комитету партии, так и у меньшевиков был свой Ц. К., направлявший их работу против официального Петербургского Комитета. Среди большевиков говорили, что эту роль нелегального Ц. К. играет меньшевистское большинство Центрального Комитета.

В общем, большевики и меньшевики в это время противостояли друг другу, не как два течения в пределах одной партии, а скорее, как две враждебные партии, лишь по недоразумению об'единенные общей программой и формально единой организацией.

Отмечу, что в рядах меньшевиков мы различали «более вредных» и «менее вредных». К числу «менее вредных» принадлежал Костров (Н. Н. Жордания). Ленин про него говорил:

— С Костровым можно работать. Он, хоть и меньшевик, но революционер.

Значительно хуже была репутация Мартова. Но истинным исчадием ада, олицетворением злостного оппортунизма считался Дан.

Помню, как то в куокальской квартире Ленина зашла речь об этом «злом гении» Ц. К. Я шутя сказал Ленину:

— Если революция победит и вы будете во Временном Правительстве, отправите вы Дана на гильотину?

Ленин, смеясь, ответил:

— Ну, на гильотину мы его не пошлем, а в тюрьму посадить его, пожалуй, придется.

В районах дела партии шли плохо. Рабочие мало интересовались межфракционной борьбой и видели в ней «грызню» интеллигентов. Нередко на дискуссии из рядов слушателей раздавались негодующие голоса:

— Вы сперва промеж себя сговоритесь, а потом к нам приходите!

— Чего мы вас судить будем, когда вы сами концов не нашли?

В обществе ожесточенная полемика между меньшевиками и большевиками вызывала недоумение, как спор между сектантами, которые, собственно говоря, во всем согласны между собою и расходятся лишь в неимеющих значения мелочах.

Должен признаться, что и я лично в то время склонен был именно так, по обывательски, оценивать кипевшую внутри партии борьбу. Нераз подымал я в комитете вопрос о том, что следовало бы призвать к порядку товарищей, чересчур зарывающихся во фракционных спорах.

Но не в резкости полемики была суть, а в том, что взгляды обоих течений были, действительно, непримиримы, и именно в 1906—1907 г. г. перед партией стояли вопросы, на почве которых представители этих двух течений должны были сталкиваться, как враги.

* * *

Я говорил уже, как жалко окончилась в Петербурге июльская забастовка, и с какими настроениями петербургская с.-д. конференция констатировала ее провал. Да! большевики торжествовали по поводу неудачи июльского выступления. Для них это было не поражение пролетариата, не поражение революции, а поражение меньшевизма, поражение Центрального Комитета, который, вместе с центральными органами других партий, подписал призыв к забастовке.

1-й № большевистского «Пролетария», в статье, озаглавленной «Политический кризис и провал оппортунистической тактики», писал:

«Неудача июльской забастовки вогнала, так сказать, осиновый кол в тактику оппортунистов с.-д. Провалилась окончательно и решительно идея стачки-демонстрации. Провалился решительно и окончательно лозунг частичных массовых проявлений протеста».

Этот взгляд на июльское поражение вытекал из отношения большевиков к первой Государственной Думе: Дума была помехой для революционного движения; разгон Думы, нанеся удар «конституционным иллюзиям» крестьянства, развязывал силы революции; отныне движение должно было итти к под'ему, к восстанию; и само собой разумеется, этот новый под'ем не мог быть связан ни с Думой, ни с ее обломками.

С чем же следовало связать предстоящее выступление? Естественнее всего, — с таким моментом, который обеспечивал бы наилучшие условия для участия в нем крестьянских масс. Такой момент можно было выбрать по сельско-хозяйственному календарю. В страдную пору мужикам не до политики, раньше окончания уборки хлебов выступать им не с руки. Другое дело, когда полевые работы будут окончены... Отсюда идея Ленина «назначить всероссийское выступление, забастовку и восстание к концу лета или к началу осени, к середине или к концу августа» [1]).

Что касается до меньшевиков, то они считали, что ответом на разгон Государственной Думы должно быть совместное выступление против самодержавия всех революционных и оппозиционных сил, — от пролетариата до прогрессивной, свободолюбивой буржуазии. Выступление могло произойти несразу после высочайшего указа о роспуске Думы, могло потребоваться несколько дней или даже несколько недель для того, чтобы народные массы раскачались надлежащим образом. Но необходимо было ковать железо, пока оно горячо, пока страна не примирилась с разгоном Думы.

Пролетариат должен был принять на себя роль застрельщика движения. Но выступление его должно было быть построено так, чтобы к нему могли примкнуть другие общественные классы. Поэтому и лозунги выступления необходимо было выдвинуть такие, которые могли бы встретить сочувственное эхо в умеренно прогрессивных кругах, вплоть до кадетов.

[1]) Н. Ленин, «Роспуск Думы и задачи пролетариата», стр. 15.

Но найти лозунги, которые увлекли бы пролетариат, не отпугивая кадетов, или привлекли бы кадетов, не отталкивая рабочих, было не легко.

В начале Центральный Комитет пытался выдвинуть, в качестве такого лозунга, требование «возобновления сессии Думы». Но сразу выяснилось, что этот лозунг не будет принят рабочими. Тогда был придуман лозунг: «против камарильи, в защиту Думы, за Учредительное Собрание». Но и этот лозунг не удержался, и вскоре его сменил третий лозунг: «борьба за Думу, как орган власти для созыва Учредительного Собрания».

Под этим лозунгом и была об'явлена июльская забастовка.

Но умеренность этого лозунга не привлекла к движению ожидаемых союзников: борьбе в союзе с рабочими буржуазия предпочла молчаливое подчинение высочайшему указу, и даже призывы «Выборгского Воззвания» были поспешно сданы ею в архив.

На лицо была новая «измена» буржуазии.

Меньшевики и большевики сделали из этого факта прямо противоположные выводы.

Большевики еще прочнее утвердились в убеждении, что городская буржуазия и интеллигенция — сила контрреволюционная, что революцию нужно делать без буржуазии и против нее, исключительно силами пролетариата и деревенской бедноты.

Меньшевики же решили удвоить усилия, чтобы привлечь на сторону революции общественные слои, напуганные грозой 1905 года.

Согласно с этим, после провала июльской забастовки, Центральный Комитет рекомендовал рабочим тактику частичных массовых выступлений протеста, при чем все такие выступления должны были, в конечном счете, подчиняться общенациональному лозунгу созыва народного представительства.

Этот план вызвал со стороны большевиков резкую критику: мы считали, что тактика, рекомендуемая Центральным Комитетом, связывает силы революции, отодвигает в неизвестное будущее вооруженное восстание, подготовку которого мы признавали в то время (в середине 1906 г.) непосредственной, срочной задачей.

Отсюда новое обострение межфракционной борьбы.

Если меньшевики потешались над большевистским планом «восстания после окончания полевых работ», то в большевистских кругах лозунг Ц. К. о «частичных массовых выступлениях» квалифицировали, как провокацию, которая ведет к полному обескровлению пролетариата и этим срывает восстание.

* * *

В первые дни после июльской забастовки, исход которой мы изобразили, как провал тактики Ц. К., сочувствие партийной периферии было явно на стороне большевиков. Момент был благоприятный для того, чтобы вырвать из рук меньшевиков руководство партией. И вот, в самом начале августа, большевики открыли кампанию за созыв экстренного партийного с'езда.

Первым, если память не обманывает меня, выступил Петербургский Комитет. К нему присоединился Московский Комитет и ряд провинциальных организаций.

Меньшевистские комитеты, со своей стороны, принялись выносить резолюции, выражавшие доверие Центральному Комитету и возражавшие против того, чтобы партийные силы отвлекались от работы на местах для участия в экстренном с'езде.

Месяц или два месяца прошло в борьбе за или против партийного с'езда. В основе этой борьбы лежало отмеченное выше глубокое расхождение тактических взглядов большевизма и меньшевизма. Но спор скользил по поверхности этих разногласий. Большевики ловили мень-

шевистский Ц. К. на неудачных выступлениях после роспуска Думы. Меньшевики побивали большевиков практическими соображениями о том, что созыв с'езда будет стоить 15,000 рублей, что продлится с'езд не меньше 3—4 недель, что частые с'езды дезорганизуют партийную работу и т. д.

Национальные партии в начале — из-за особых мотивов — стояли за созыв экстренного с'езда. Но затем Ц. К. столковался с ними, и было решено с'езда не устраивать, а собрать партийную конференцию. Собралась эта конференция в начале ноября.

За это время у нас прошла еще одна кампания, о которой я должен рассказать особо, — это была рекрутская кампания.

* * *

Исходной точкой рекрутской кампании явилось «Выборгское Воззвание» с его призывом, обращенным к народу, — не давать рекрутов правительству. Конституционалисты-демократы, подписывая воззвание, полагали, что этот лозунг намечает конституционные пути для защиты народом прав народного представительства. Но, в дальнейшем, характер лозунга коренным образом изменился.

В частности, большевики сразу отвергли мысль о пассивном бойкоте рекрутских присутствий и стали на точку зрения необходимости готовиться «не к мирному, а к вооруженному бойкоту, к решительной схватке с врагом» [1]).

В дальнейшем, от идеи «вооруженного бойкота» пришлось отказаться. Выяснилось, что речь должна идти не о том, чтобы сорвать рекрутский набор текущего года, а о том, чтобы использовать набор для революционизирования

[1]) См.: «Рекрутский набор и наши задачи», в 4-м № «Пролетария» (от 19 сентября 1906 года).

армии. Но и в этих пределах рекрутская кампания представлялась нам делом величайшей важности.

Напомню, что работа в войсках была больным местом нашей партийной организации. Условия этой работы были в Петербурге тяжелее, чем где бы то ни было в России.

Я имею в виду не чрезвычайную охрану, не жандармский надзор, а особенности положения петербургского гарнизона. В состав его, как известно, входили исключительно гвардейские полки, и при том — лучшие полки империи. Материальное положение петербургского солдата — в смысле пищи, одежды, казарменного помещения — было лучше, чем где бы то ни было в провинции. Лучше был и состав офицеров. Таким образом, в петербургской казарме не было той почвы для брожения, которая во всех солдатских беспорядках 1905—1906 г. г. создавалась недочетами экономического характера — червивым мясом, гнилой капустой и т. д. А с другой стороны, в Петербурге энергичнее и успешнее, чем в провинции, велось воспитание нижних чинов в духе «верности царю и отечеству».

Отсюда — неудачи революционной пропаганды в петербургском гарнизоне. С величайшими усилиями удавалось, на лучший конец, завести «связи» с полками. Но каждый раз оказывалось, что «связи» эти ограничиваются нестроевыми командами и не проникают вглубь солдатской массы.

Сколько ни сменялось «военных организаторов» при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П., — результат их работы оказывался близок к нулю. А между тем, необходимо было, во что бы то ни стало, добиться влияния на войска, — от этого, согласно господствовавшему в организации взгляду, зависела, в значительной степени, будущность революции.

Оставалось — пытаться революционизировать армию путем особых кампаний.

Такой кампанией была ноябрьская забастовка 1905 года. Рекрутская кампания 1906 года была новой попыткой в том же направлении.

Мы начали с выяснения по районам и по заводам, кто из партийных или просто передовых рабочих подлежит призыву в ближайший набор. Призывных оказалось много. Принялись собирать их в особые кружки и выяснять с ними план дальнейших действий. Но тут обнаружилось, что призываться им предстоит в различных губерниях (по месту приписки), и потому трудно создать в Петербурге прочные ячейки для окончательного проведения кампании на местах.

В это время вопрос о рекрутской кампании обсуждался и в провинциальных организациях партии. В начале — в августе и отчасти в сентябре — отовсюду поступали оптимистические сообщения: казалось, что массовый отказ от дачи рекрутов обеспечен. Но затем, в сообщениях из провинции стали все настойчивее пробиваться нотки разочарования: всеобщим и массовым отказ от рекрутчины не будет; на лучший конец, откажутся отдельные уезды, а может быть, и в передовых уездах будут проводить бойкот рекрутских присутствий лишь наиболее революционные элементы . . .

Вставал вопрос, не лучше ли рекомендовать сознательным рекрутам вступать в ряды солдат, чтобы вести социал-демократическую пропаганду в армии?

Мало по малу все пришли к этой точке зрения. К моменту призыва кампания замерла: не было сделано даже единичных попыток бойкота рекрутских присутствий.

Мы утешали себя тем, что набор 1906 г. влил в ряды армии сотни тысяч распропагандированных, революционно настроенных молодых солдат. Но у меня нет данных для суждения о том, действительно ли этот набор усилил революционное брожение в войсках: связи с солдатами у нас были слабы, и точных сведений о настроении казармы мы не имели.

В партии от рекрутской кампании остался след в виде повышенного интереса к вопросу об армии.

* * *

В июле 1906 года, после разгона первой Государственной Думы, в обществе преобладало скептическое, недоверчивое отношение к обещанию правительства созвать 20 февраля 1907 года новый состав народных представителей.

Но к началу зимы появились признаки того, что правительство намерено выполнить это обещание, и что в назначенный срок Дума, действительно, соберется.

К этому времени общее политическое положение выяснилось: революционное движение стремительно шло на убыль.

Утихли аграрные беспорядки. Крестьяне начинали покупать землю через банк. В рабочем движении наступило затишье. Стачки стали реже, революционные настроения притаились в партийном подпольи. Тихо было и в войсках.

Столыпин выиграл ставку в своей азартной игре. Созывом Думы нового состава он расчитывал закрепить свою победу. Народные представители должны были собраться для того, чтобы одобрить мероприятия правительства и засвидетельствовать перед лицом всего мира, что «лучшие элементы» общества, как и весь русский народ, стоят на его стороне.

Деятельность правительства по подготовке выборов не оставляла сомнения в том, что реакция стремится, во что бы то ни стало, собрать послушную Думу с прочным октябристским или — еще лучше — черносотенно-погромным большинством . . .

При таких условиях пришлось партии решать вопрос об участии в новых выборах.

Собственно, тут и вопроса не было.

Для бойкотизма не было почвы ни в об'ективных условиях, ни в настроениях народных масс. «Пролетарий» так изображал положение:

«Революция притихла. Правительство одно за другим отнимает у народа все его завоевания. Правительство не прочь бы отнять и Думу, да не может. Правительство склоняется перед силой выжидающего народа и дает Думу, дает нехотя, скрепя сердце, насильно заставляя бойкотировать Думу. На первый взгляд, роли переменились. В начале года правительство гнало в Думу, рабочие бойкотировали ее; теперь правительство отгоняет от Думы, рабочий идет туда. В чем дело? В том, что в апреле Дума была демонстрацией бессилия народа, теперь она — демонстрация силы»[1]).

Бросающаяся в глаза искусственность этого противупоставления показывает, как трудно было словесной формулой охватить сущность происшедшего сдвига.

Можно было бы, пожалуй, сказать, что мы признали необходимость участия в выборах, потому что убедились, что у нас идет 49-ый, а не 47-ой год, что революционный под'ем у нас позади. Для настроений, царивших в партийных кругах (да и в рабочих массах) поздней осенью и зимой 1906 года, это было бы справедливо[2]). Но уже в начале августа — а, может быть, даже в конце июля (когда мы жили еще целиком в «47-ом году») — у нас было решение участвовать в предстоящих выборах. И № 1-ый «Пролетария», не сомневавшийся тогда в неизбежности близкого революционного под'ема, писал:

«Наступило время, когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами».

[1]) «Социал-демократия и избирательная кампания», в № 7, от 10-го ноября 1906 года. Курсив подлинника.

[2]) У меня осталось впечатление, что от мысли о непосредственной близости восстания мы отошли в конце августа, когда провалились наши надежды на восстание «после окончания полевых работ».

Это положение мотивировалось ссылкой на «уроки кадетской Думы»: «История показала, что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри ее и около ее; что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы... История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. д.»[1]).

Это признание агитационного значения участия в Государственной Думе, несомненно, означало переход большевизма с бойкотистских позиций на позиции, которые полгода тому назад защищали меньшевики. Но сближения между обоим течениями на этой почве не произошло. Ибо к этому времени произошел заметный сдвиг и во взглядах меньшевиков на Думу. Теперь меньшевики не довольствовались использованием думской трибуны в целях агитации. Они видели в Государственной Думе возможный «общенациональный политический центр, который в сознании народа явится преемником самодержавной власти»[2]). Участие в выборах и дальнейшую работу в Думе они оценивали, как средство принудить Думу «итти твердыми шагами по пути превращения в революционный орган власти»[3]). Именно в этом, а не в «агитационном использовании», видели они суть социал-демократической тактики в Думе. С другой стороны, большевики, может быть, чтобы прикрыть свой отказ от тактики бойкота, — сосредоточили весь огонь своей критики на меньшевистском плане превращения Думы в центр революции.

Расстояние между двумя точками зрения — меньшевистской и большевистской — было не меньше, чем в период первой избирательной кампании. Пожалуй даже, те-

[1]) «О бойкоте», в № 1, от 26 августа 1906 года.

[2]) «Социал-Демократ», № 1.

[3]) «Социал-Демократ», № 3.

перь расхождение было резче, ибо теперь у того и у другого течения была определенная тактика, а во время первой кампании ясная тактика была только у большевиков.

Таким образом отказ большевиков от бойкотизма не только не смягчил межфракционную борьбу в Р. С.-Д. Р. П., но наоборот, дал этой борьбе новую пищу.

Спор сосредоточился вокруг вопроса о предвыборных соглашениях.

* * *

В самом начале большевики (в частности, Ленин) представляли себе тактику социал-демократии на выборах во 2-ую Думу в виде соглашения с трудовиками.

1-ый № «Пролетария» писал:

«Мы созовем пятый с'езд партии; мы постановим на нем, что в случае выборов необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками (без созыва пятого с'езда партии дружная избирательная кампания невозможна, а всякие блоки с другими партиями безусловно запрещены постановлениями четвертого с'езда) и мы разобьем тогда кадетов на голову».

И далее: «Надо сразу признать необходимость избирательного соглашения с.-д. и трудовиков на случай новых выборов»[1]).

Но затем, идея соглашения с трудовиками стала как то тускнеть, выветриваться. О трудовиках говорили уже не как о ближайших союзниках, а как о «хитрых мужичках». И когда подошло время практической постановки вопроса об избирательной тактике, «Пролетарий» выступил уже с лозунгом: «никаких блоков, никаких соглашений на первой стадии»[2]). О том, чтобы разбить кадетов и получить во второй Думе большинство, уже не было речи.

[1]) См. цитированную выше статью «О бойкоте»
[2]) «Пролетарий», № 7, от 10 ноября 1906 года.

Впрочем, эта новая тактика была принята в петербургской организации не всеми большевиками: часть местных работников осталась на первоначальной позиции, — предвыборное соглашение с трудовиками.

Сторонники этой тактики получили в организации кличку «диссидентов». Это был редкий случай, когда в рядах большевиков образовалась оффициально признанная оппозиция.

Первыми на почву «диссидентской» платформы стали две партийных ячейки: приказчичий подрайон и военная организация.

Приказчичий кружок исходил из настроений приказчичьей массы: о партиях и, в частности, о Р. С.-Д. Р.П. эта масса имела смутное представление; нечего было мечтать о том, чтобы торговые служащие стали голосовать за чистые с.-д. списки; но в этой среде преобладали левые настроения, замечалось сочувствие социалистам, и это давало основания надеяться, что приказчики отдадут свои голоса за об'единенный список революционных партий, если таковой будет выставлен на выборах. А это имело бы большое значение не только в смысле противопоставления голосов торговых служащих голосам хозяев, но и в смысле влияния на исход выборов по городской курии.

В то время приказчики, вообще, были в большой чести. Правительство в порядке подготовки выборов — издало правила о праздничном отдыхе для торговых служащих. Правая печать уделяла этой мере много внимания, подчеркивая, что теперь приказчики увидят, откуда они должны ожидать улучшения своей участи, и будут на предстоящих выборах голосовать за правительственных кандидатов.

Начались заигрывания с приказчиками-избирателями и со стороны купцов-кадетов (таких в Петербурге было не много, но они были на виду, резко выделяясь из массы октябристско-черносотенного купечества) . . .

Мудрено ли, что приказчики получили преувеличенное представление о значении своих голосов и своими настроениями заразили кое-кого в партийной организации, — в том числе и меня?

Военные работники тоже ссылались на настроения среды, в которой они вращались: о партиях солдаты ничего не знают; к армии можно обращаться лишь от имени всех революционных партий.

Немного позже, когда уже началась избирательная кампания в городской курии, к платформе «диссидентов» примкнула еще третья группа, — наша ораторская коллегия, обслуживавшая собрания городских избирателей. На этих собраниях не было возможности развернуть чисто партийную точку зрения; борьба велась между либералами и сторонниками революционной тактики; трудовики, эсэры и народные социалисты оказывались здесь нашими естественными союзниками; представлялось непонятным, почему в последний момент мы должны предложить левым избирателям дробить голоса между четырьмя списками.

Так определился к середине октября состав «диссидентского» течения. Кроме меня, в известном смысле, заварившего эту кашу, и военных работников, за «левый блок» стояли: Абрам (Крыленко), Игнатий (Севрук), Николай (Коновалов) и др.

Самым непримиримым нашим противником был Н. Рожков. Его точка зрения разделялась большинством организации, в частности, всеми заводскими районами.

Отмечу, что партийные рабочие (большевики) не только были против каких бы то ни было соглашений, но вообще высказывали неудовольствие тем, что мы ввязались в избирательную кампанию по городской курии: говорили, что эта кампания отвлекает из районов слишком много сил; на заводские митинги ораторы не являются, а на «кадетских собраниях» выступают по три-четыре человека один за другим.

* * *

Практический план избирательной кампании, предложенный Центральным Комитетом партии, сводился к следующему:

«Всю предвыборную агитацию мы ведем совершенно свободно и самостоятельно, развертывая всю нашу программу. В рабочих куриях мы всюду, без всякого исключения, выставляем наши партийные кандидатуры. В других местах могут быть три комбинации: 1) там, где мы имеем шансы на успех, мы выставляем исключительно партийные кандидатуры, 2) в местах, где рядом с нами выступают партии, стремящиеся вместе с нами к созыву Учредительного Собрания, и где мы не имеем шансов провести только партийные кандидатуры, мы вступаем с этими партиями в соглашение — соглашение местное — относительно общего списка кандидатов, 3) в остальных местах, если мы при этом рискуем пропустить реакционера и черносотенца, мы снимаем выставленные нами кандидатуры, рекомендуя голосовать за прогрессивного кандидата, как представляющего для нас наименьшее зло».

Этому плану большевистский центр противопоставил свой лозунг: «никаких блоков, никаких соглашений».

Казалось бы, платформа «диссидентов» могла бы явиться почвой для соглашения между обоими течениями. Ведь то, что мы предлагали, сводилось к местному (петербургскому) соглашению относительного общего списка кандидатов по городской курии с партиями, борющимися за Учредительное Собрание, — а эта комбинация была прямо предусмотрена планом Центрального Комитета.

В действительности, однако, получалось не то: против «левоблокистов» меньшевики обрушились еще с большей решительностью, чем против сторонников «чистых списков».

Они выдвинули против тактики «левого блока» три обвинения: 1) эта тактика срывает дело изоляции реакционных сил, 2) она толкает буржуазию вправо и загоняет клин между городскими и сельскими элементами демократии,

3) она подрывает самостоятельность с.-д. политики в рабочей курии.

Главный же довод против предлагаемого нами соглашения заключался в указании на «черносотенную опасность»: противопоставление кадетскому списку списка «левого блока» должно было привести к раздроблению голосов прогрессивных избирателей и к победе в Петербурге правительственных октябристско-черносотенных кандидатов.

Насколько основательны были эти опасения и обвинения?

Обращаясь к конкретным чертам тактики «левого блока», как вырисовывались они в описываемую кампанию, я должен признаться, что она, действительно, могла вызывать серьезные возражения.

Прежде всего, эта тактика не была обоснована теоретически.

Первоначально идея ее была брошена «Пролетарием» в виде лозунга «соединимся с трудовиками и разобьем кадетов». Затем, защиту ее приняла на себя кучка практических работников, исходивших из совершенно случайных, частных соображений и впечатлений: из вкусов петербургских приказчиков, из условий революционной пропаганды в казарме, из настроений предвыборных собраний. Это была чистейшая эмпирика, и дальше ссылки на эту эмпирику «диссиденты», отстаивая свою точку зрения, не шли.

Таким образом, идея об'единения революционных сил была затемнена у «левоблокистов» посторонними, привходящими соображениями, которые придавали их тактике односторонне кадетоедский характер. Именно против этого соуса, под которым подносилась идея «левого блока», а отнюдь не против самой этой идеи, и были направлены соображения меньшевиков.

Но в пылу полемики люди часто бьют дальше цели. И только этим психологическим законом можно об'яснить практический вывод меньшевиков: или никаких соглашений, или соглашение с кадетами.

Нужно ли говорить, что фракционерам-большевикам такая постановка вопроса со стороны их противников была весьма выгодна? Начались речи о том, что меньшевики до такой степени любят кадетов, что не хотят без них итти в Государственную Думу: «или войдем в Таврический дворец под ручку с Родичевым, или не войдем вовсе».

Позиция меньшевиков усилила кадетоедский момент в тактике «левого блока» и привлекла к этой тактике симпатии крайних фракционеров, стоявших раньше за чистые списки.

— Меньшевики против? Значит, тактика революционная!

Само собой разумеется, что та же самая тактика получила бы совершенно иную окраску, еслибы меньшевики не заострили в такой степени свою политику на идее соглашения с кадетами.

Впрочем, не выступи меньшевики против «левого блока», эта тактика вообще не была бы принята петербургской организацией и осталась бы бесплодной затеей малоплодительной кучки «диссидентов».

* * *

Я отмечал уже, что большевистский центр проявлял большую терпимость по отношению к «диссидентам». Но к трем группкам, составлявшим данное течение, отношение центра было несовсем одинаковое.

«Ораторская коллегия» была под подозрением, — не «окадетилась» ли она от постоянных выступлений на «кадетских» собраниях? Приказчики тоже считались народом ненадежным, — Рожков прямо пророчествовал о них: «Надуют, за кадетов голосовать будут». Зато военные работники были вне всяких подозрений, и к их доводам сторонники «чистых списков» прислушивались с наибольшим вниманием. Никто из большевиков не сомневался в том, что при выработке избирательной тактики необходимо принимать во внимание потребности военной работы.

Но на этом мы не останавливались: мы считали признаком революционности рассматривать с точки зрения интересов революционной пропаганды в казарме весь, вообще, вопрос о задачах второй Государственной Думы.

Такое подчинение вопроса о Думе соображениям об интересах работы в «военном районе» подчеркивало отсутствие в нас каких бы то ни было «конституционных иллюзий».

Военные работники настаивали на том, что вторая Дума должна, в первую голову, поставить на очередь солдатский вопрос и связаться с военной организацией. Эта точка зрения встречала в организации всеобщее сочувствие.

Как то в ноябре, после одного фракционного совещания, на котором я, защищая тактику «левого блока», ссылался на мнение военных работников, Ленин предложил мне написать для «Пролетария» статью о том, что должна сделать вторая Дума для привлечения на сторону революции солдатской массы.

Это поручение я исполнил, статью написал, и она появилась в № 12-ом «Пролетария» в виде фельетона под заглавием «О некоторых особых задачах второй Государственной Думы»[1]). Ниже мне придется еще говорить об этой статье.

* * *

На предыдущих страницах я характеризовал течения, боровшиеся в петербургской организации перед выборами во вторую Думу.

Что касается до партии в целом, то она в это время в вопросе об избирательной тактике представляла картину полного разброда.

Не помогла делу и общепартийная конференция, созванная Центральным Комитетом в начале ноября 1906 года. Конференция была сравнительно малолюдная: от Петербургского Комитета на нее был послан один делегат (не помню кто). Доклад, представленный им после конференции Комитету, был серый и скучный, — от него оставалось впечатление пустого места, — и именно, в виде пустого места изображал докладчик всю конференцию.

Победа на ней осталась за Ц. К.: его резолюции собрали 18 голосов, тогда как большевики получили 14 голосов[1]).

Признана была «допустимость местных соглашений с революционными и оппозиционно-демократическими партиями» в городской и крестьянской куриях в том случае, если в ходе избирательной кампании выяснится опасность прохождения списков правых партий». Большевики противопоставили этой резолюции свою платформу, подтверждавшую недопустимость каких бы то ни было соглашений на первой стадии выборов. Но оба течения сошлись на таком постановлении: «Ц. К. может запрещать местным организациям выставлять не чисто с.-д. списки, но не должен обязывать их выставлять такие списки»[2]).

Большевики считали, что этим они в достаточной степени оградили себя — в частности, в Петербурге — от попыток Ц. К. навязать им ненавистное «соглашение с кадетами». И потому результаты конференции не очень огорчали их. «Пролетарий» следующим образом характеризовал сложившееся внутри партии положение:

«Перед партией две платформы. Одна — 18 делегатов конференции, меньшевиков и бундовцев. Другая — 14 делегатов, большевиков, поляков, латышей. Компетентные органы местных организаций вольны выбирать, видоизменять, заменять эти платформы новыми. После решения компетентных органов мы все, члены партии, действу-

[1]) Эта статья приведена в обширных выдержках в моем очерке «Дело» с.-д. фракции второй Государственной Думы и военная организация петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П., в № 1-м «Летописи Революции (стр. 107-110).

[1]) На стороне большевистской тактики были поляки и латыши; на сторону Ц. К. стал Бунд.

[2]) «Пролетарий», № 8, от 23 ноября 1906 г.

ем, как один человек. Большевик в Одессе должен класть в урну бюллетень с именем кадета, хотя бы даже большевика при этом тошнило. Меньшевик в Москве должен класть в урну бюллетень с именами одних только с.-д., хотя бы его душа и тосковала по кадетам»[3]).

Но обещание строгой дисциплины на выборах было чистой «словесностью». Существенно было то, что решение, вынесенное конференцией, объявлялось не имеющим обязательного значения.

Борьба между фракционными течениями продолжалась. Особенного напряжения достигла она в Петербурге при подготовке общегородской конференции.

* * *

Конференция должна была собраться после «обстоятельной дискуссии», на основании прямого и пропорционального голосования всех членов организации. Для подсчета голосов были назначены смешанные контрольные комиссии.

Процедура была установлена сложная: на собрании каждого рабочего кружка должно было присутствовать, минимум, 4 человека из центра (два докладчика и два члена контрольной комиссии). Между тем, по условиям конспирации, на рабочих квартирах невозможно было собрать более 10 человек сразу. Легче было устраивать собрания по мастерским или в заводской ограде в обеденный перерыв, но такие собрания приходилось проводить на курьерских, в несколько минут, и нечего было думать развернуть на них «обстоятельную дискуссию». Равным образом, невозможно было доставить на такие собрания «контрольную комиссию».

При таких условиях подготовка общегородской конференции растянулась без малого на два месяца и в конце концов, выродилась в фабрикацию мандатов.

[3]) Там же.

В Петербургском Комитете мне поставили вопрос: сколько голосов можно собрать за большевистскую платформу среди приказчиков?

В ответ я обрисовал положение в подрайоне. Регулярно собирается лишь один центральный кружок. Все члены его будут голосовать за большевиков.

— А сколько это будет?

— Голосов пятнадцать...

— Что? Вы шутите! 15 голосов! Это на 200.000 петербургских торгово-промышленных служащих!

— Других ячеек у нас нет.

Принялись убеждать меня:

— Но среди приказчиков, наверное, имеются сочувствующие, примыкающие к партии?

— Ну, таких наберется порядочно...

— Вы можете собрать их?

— Могу.

— Так сделайте это теперь же, до конференции!

— Но ведь это люди непартийные! Как будут они голосовать?..

— А вы думаете, у меньшевиков такие не голосуют? В крайнем случае, устраивайте по два собрания: одно — так, а второе — для голосования.

Я передал моим приятелям из приказчичьего союза предложение комитета. Говорил осторожно — об «оформлении организации». Но они сразу смекнули, в чем дело, и выразили готовность поставить дело на широкую ногу.

— Мы с одного Гостинного Двора сто человек сгоним, да апраксинцев столько же, да Мариинский рынок, да Александровский, да Васильевский остров... Тысячу человек представим!

Недели две спустя приказчики представили в Комитет сведения, что в их подрайоне имеется 313 организованных членов; устроить среди них дискуссионные собрания невоз-

можно[1]), но подрайонный комитет опросил свыше 100 человек, и все они высказались за большевистскую платформу.

На основании этой справки Петербургский Комитет постановил дать приказчикам на конференции 5 голосов, причем предоставил «руководящему приказчичьему коллективу» назначить делегатов. Отступление от требований инструкции мотивировалось особым значением приказчиков на предстоящих выборах по городской курии.

Возможно, что Петербургский Комитет догадывался, что приказчики представили ему дутые цифры. Но ведь не многим лучше были и остальные цифры, поступавшие в контрольную комиссию: погоня за мандатами шла во всю, и наша скелетическая организация наполнялась «мертвыми душами»[2]).

Впрочем, эти «мертвые души» не были еще главным злом, — хуже была та демагогия, которой окрасились межфракционные дискуссии.

Случайно мне пришлось ознакомиться с тем, как преломлялась наша полемика в головах рабочих.

На общественных работах, которыми руководил Совет Безработных, повсюду были партийные группы. Товарищи неоднократно предлагали мне выступать в этих группах докладчиком со стороны большевистской — хотя бы «диссидентской» — платформы. Но я от этого уклонялся, считая роль фракционного докладчика несовместимой с моим положением, как председателя Совета Безработных.

Однажды приезжаю я на постройку моста, где работало много плотников. Один из них, глава местной партийной ячейки, передает мне новость:

[1]) Помню, в числе причин, делающих невозможным устройство собраний в приказчичьем подрайоне, указывалась близость Пасхи: перед праздниками идет, мол, усиленная торговля, магазины закрываются поздно, после закрытия приказчики принуждены оставаться для уборки товаров и т. д.

[2]) Например, окружной район представил на конференцию мандатов, якобы от 450 членов партии, тогда как во всех ячейках районной организации в то время не было и 100 человек.

— А у нас, товарищ Петров, вчера собрание было, платформы сравнивали.

— Кто был от большевиков?

— Товарищ Андрей.

— А от меньшевиков?

— От них никого не было.

— Почему?

— Убоялся, верно, ихний оратор.

— Чего убоялся?

— А чтоб не защибли его ребята за подлость евоную. Тут мост, тут вода, — никто и не узнает...

— Что вы несете?!

— Да я к тому, что ребята у нас постановили: если меньшевик к нам заявится, — в топоры его, сукина сына, чтобы не продавал буржуям рабочего класса...

— А кто об'яснил вам насчет меньшевиков?

— Товарищ Андрей.

Андрей незадолго до того появился в петербургской организации. Это был молодой человек с угреватым лицом и полуоткрытым ртом (тип губошлепа), безнадежно тупой и невежественный. Во избежание скандала, ему не разрешали выступать на открытых предвыборных собраниях, и он посвящал свои силы «дискуссиям» с меньшевиками, стараясь устраиваться так, чтобы говорить в отсутствие оппонента.

Собрав плотников, я раз'яснил им, что сведения, сообщенные о меньшевиках Андреем, не соответствуют действительности. А на другой день на явке П. К. я рассказал об этой истории и заявил, что буду требовать партийного суда над Андреем. Товарищи были уверены, что я шучу. А когда убедились, что я говорю серьезно, обрушились на меня упреками:

— Вы кампанию дезорганизуете. Может быть, товарищ Андрей хватил через край, — так с кем это не случается? Вы бы послушали, что меньшевики про нас говорят!

Историю, разумеется, замяли.

Такова была атмосфера, в которой жила петербургская с.-д. организация во время подготовки городской конференции[1]).

* * *

Конференция собралась в первых числах января, в Терпоках. С'ехалось человек 100. Образовали мандатную комиссию, в ожидании проверки полномочий разделились по фракциям и приступили к предварительному обсуждению плана действий.

Настроение у всех было тревожное. Ленин сказал:

— Меньшевики решили взорвать конференцию. Нужно держать ухо востро. Одно неосторожное слово, — и все дело пропало.

В ожидании боя с меньшевиками, обсуждали нашу тактику: «чистые списки» или «левый блок». У сторонников «левого блока» было голосов 8 или 9. Мы согласились, в интересах единства большевистской фракции, голосовать на конференции за чистые списки, которые были для нас «меньшим злом» по сравнению с соглашением с кадетами.

Между тем, работа мандатной комиссии подвигалась вперед крайне медленно.

Большевики заявили, что ими получено 2.200 голосов. Но меньшевики оспаривали эту цифру, — возражая, в частности, против приказчичьих голосов. В свою очередь,

[1]) В моих воспоминаниях об этом периоде имеется пробел в 2 или 3 недели: в середине декабря я был арестован по старому боровенковскому делу и отправлен в Пересыльную тюрьму, где просидел до Нового Года. Затем, мера пресечения по отношению ко мне была изменена, и я был освобожден под залог в 3.000 р. Эту сумму внес за меня, как председателя Совета Безработных, союз инженеров и техников, принимавший участие в организации советских столовых. В Пересыльной я сидел сперва на одиночном коридоре, где встречался с каторжанами-вечниками и бывшими «смертниками», а под конец — в общей политической камере. Режим был в тюрьме сносный.

большевики оспаривали почти половину меньшевистских мандатов.

Конца спору не предвиделось. Тогда большевики предложили: дать решающие голоса тем делегатам, полномочия которых ни в ком не вызывают сомнений, и на их разрешение передать вопрос о спорных мандатах.

Это была военная хитрость: большевики з а р а н е е оспорили столько меньшевистских мандатов, что в составе б е с с п о р н ы х делегатов их победа была обеспечена. Тем не менее, предложение было принято.

Конференция открылась. Здесь большевики повели примирительную линию: утверждались все спорные мандаты — и меньшевистские, и большевистские, — при чем лишь повышалась немного норма представительства[1]). Этим способом был определен окончательный состав конференции: 42 большевика и 28 меньшевиков.

Перешли к вопросу об избирательных соглашениях. Слово получил докладчик Ц. К. Дан. Но вместо того, чтобы говорить по существу вопроса, он прочел постановление Ц. К., предлагавшее конференции р а з д е л и т ь с я на две части, сообразно делению петербургских фабрик и заводов между избирательными округами города и губернии. Смысл этого предложения сводился к тому, чтобы устранить от участия в решении вопроса о выборах по г. Петербургу окраинные части организации, в которых были особенно сильны большевики. Таким путем из конференции были бы исключены все делегаты окружного района (давшего 9 большевиков и 1 меньшевика), а также часть делегатов заводских пригородов; остались бы лишь центральные районы, где силы большевиков и меньшевиков были приблизительно равны.

Разыгралась бурная сцена. Большевики рабочие кричали о «сенатских раз'яснениях», о «партийных Столыпи-

[1]) Так, например, приказчикам вместо 5 голосов дали 4 голоса. Соответственно «пощипали» и меньшевиков.

нах». Пришлось прервать заседание для совещания по фракциям.

На большевистском совещании я предложил подсчитать голоса и выяснить, что получится, если конференция исполнит требование Ц. К.: мне казалось, что у большевиков будет большинство в обеих частях конференции, и что можно было бы разойтись в разные комнаты и потом объединиться вновь по свободному решению обеих частей собрания. Но кто то возразил, что, после разделения конференции, меньшевики возобновят атаку против спорных мандатов и, если не добьются большинства, то так или иначе сорвут конференцию. Решено было не уступать.

Возобновилось заседание. Большевики внесли мотивированную резолюцию о том, чтобы продолжать занятия конференции в неразделенном составе. Меньшевики отказались от участия в голосовании этой резолюции, и она была принята 42 голосами при 28 воздержавшихся. Тогда Дан потребовал слова для формального заявления и прочел постановление Ц. К., об'являвшее, что данная конференция не удовлетворяет установленным для такого рода собраний условиям и потому решения ее не носят обязательного характера для частей петербургской организации. Делегаты-меньшевики заявили, что они покидают заседание, и двинулись к дверям. Вслед им раздавались ругательства, насмешки:

— К кадетам уходите?

— Со своими-то товарищами-рабочими соглашаться не хотите, а с буржуями столкуетесь!

При общем волнении и шуме, Ленин сидел за председательским столиком, опершись подбородком на сложенные руки, улыбающийся, торжествующий. Он понимал, что уход меньшевиков означает открытый раскол организации, и сразу оценил положение: раскол произведен грубо, повод для него выбран неумело, мотивировать его убедительным для рабочих образом меньшевики не смогут. В завязывавшейся борьбе все шансы были на стороне большевиков.

* * *

Теперь на конференции остались одни большевики. Но все же до возобновления оффициального заседания устроили частное фракционное совещание.

Рожков предложил подтвердить платформу меньшинства общепартийной конференции:

— Чистые списки! Никаких соглашений!

Но Ленин неожиданно для всех заявил:

— А я, товарищи, еще час тому назад был за чистые списки, а теперь стою за соглашение с эсэрами. И вот почему. Как вы думаете, куда это Дан отсюда пошел? К кадетам! К Милюкову! Завтра они подпишут соглашение, эсэеры и трудовики с ними соединятся, мы останемся одни, и с нами никто считаться больше не будет. Мы должны предупредить их: заключим соглашение с трудовиками и эсэрами и поставим им условие — никаких переговоров ни с нашими раскольниками, ни с кадетами! Тогда получится: революционные партии, с одной стороны, меньшевики и кадеты — с другой. С меньшевизмом будет кончено.

Речь Ленина была встречена взрывом восторга. Открыли вновь заседание конференции. Ленин сделал пятиминутный доклад и, после кратких прений, было почти единогласно постановлено сообщить немедленно эсэрам и трудовикам, что «Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. готов войти в соглашение с ними, под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами».

Я пытался отстоять включение в соглашение также и народных социалистов. Этот вопрос имел принципиальное значение: участие народных социалистов в «левом блоке» изменяло его облик, — вся комбинация теряла при этом

характер союза пролетарских пригородов и деревни против города, приобретала оттенок большей культурности. Но, должен сознаться, я не сумел поднять вопрос на принципиальную высоту и ограничился эмпирической аргументацией, — ссылкой на настроения предвыборных собраний. Ленин возражал в шутливом тоне:

— Вы и так уже сосватали нам и эсэров, и трудовиков. А за энэсов покорнейше благодарим, — эдак мы до кадетов докатимся.

Энэсы явились для сторонников «чистых списков» козлами отпущения за совершенное грехопадение, и в резолюцию было внесено специальное примечание о том, что мы не только сами не вступаем в соглашение с народно-социалистической партией, но и от трудовиков и эсэров потребуем отказаться от соглашений с нею.

Так закончилась эта конференция петербургской организации, памятная в летописях Р.С.-Д.Р.П.

Победа нежданно-негаданно осталась за «диссидентами».

* * *

Чуть ли не на другой день после общегородской конференции меньшевики опубликовали протест против ее решений. Основывался этот протест на ряде формальных соображений: неправильности при подготовке конференции, утверждение конференцией дутых мандатов и, главное, отказ ее подчиниться требованию Ц. К. о разделении.

На этот протест Ленин ответил брошюрой «Лицемерие Дана и 31 меньшевика». В ней меньшевики обвинялись в том, что они «перекинулись» к кадетам, «предали» рабочих, «продали» буржуазии рабочие голоса.

В смысле резкости эта брошюра превосходила все до тех пор появлявшееся в нашей межфракционной литературе.

В Петербургском Комитете поднялся вопрос, можно ли распространять в районах это произведение. Рожкой, добродушно посмеиваясь, говорил:

— Да-с, вещь, в высокой степени, порнографическая!

Вообще, многие большевики были недовольны тоном брошюры. Но когда мы говорили об этом с Лениным, он об'яснял свои «неудачные» выражения тем, что писать ему пришлось наспех, и потому он не оттенил достаточно ясно, что относится в его брошюре ко всем меньшевикам вообще и что — лично к Дану, по отношению к которому употребленные в брошюре выражения... еще недостаточно решительны.

Но в рабочих кварталах не обращали внимания на эти тонкости: там «разоблачения» Ленина принимались в полном об'еме. И вот поползли по заводам слухи: меньшевики продали пролетариат и об'единились с кадетами. Очень быстро эти слухи приняли более осязательную форму.

Продали... Но кому? За сколько? Откуда взялись деньги?

Молва давала ответ на все вопросы.

Купил рабочие голоса Милюков. Заплатил он 40.000 рублей. Деньги получены из Варшавы, от тамошних банкиров.

На этих подробностях молва не остановилась.

На заводах рассказывали:

— Деньги меньшевики меж собой поделили, — кому тысячу рублей дали, кому больше.

В Нарвском районе один пропагандист-меньшевик пришел в кружок в новом пальто. Рабочие решили, что это пальто справлено на кадетские деньги. Отказались слушать пропагандиста, прогнали его, чуть не избили...

Вскоре появилось новое подтверждение получения меньшевиками варшавских денег: у меньшевиков оказались новые... самовары. Такой самовар — и при том серебряный — один из агитаторов-большевиков (кажется, Красиков) собственными глазами видел у Дана...

В эти дни, — это было как раз во время выборов по рабочей курии, — межфракционные «трения» в партийной

организации достигли того предела, когда все слова сказаны, запас ругательств исчерпан, и остается либо пустить в ход кулаки, либо разойтись врозь. Большевики и меньшевики перестали разговаривать друг с другом, в районах ячейки открыто кололись. Центральный Комитет назначил суд над Лениным[1]). Понятно, как должна была отразиться эта история на ходе выборов!

Но прежде чем перейти к результатам выборов на заводах, я должен вернуться несколько назад и рассказать о том, что происходило в это время в Петербурге в городской курии.

* * *

С середины октября политическая жизнь Петербурга сосредоточилась в избирательной кампании.

Сенат изощрялся в «раз'яснениях» избирательных прав населения.

«Раз'яснили» рабочих-квартиронанимателей, железнодорожников, крестьян-интеллигентов. Путем пред'явления 129 статьи депутатам, подписавшим «Выборгское воззвание», «раз'яснили» почти всех лидеров конституционно-демократической партии. Но, пожалуй, самым неожиданным «раз'яснением» явилось требование, чтоб избирательные бюллетени были скреплены печатью городской управы, с одновременным предписанием управам: не выдавать бюллетеней никому, кроме «зарегистрированных» партий. А «зарегистрированы» были: Союз Русского Народа, Партия Правового Порядка, Союз 17-го октября и Партия Мирного Обновления[2]). Таким образом, оппозиционные партии лишались возможности раздавать избирателям бюллетени с именами своих кандидатов.

[1]) Именно на этом суде Ленин формулировал свой взгляд на допустимые в полемике приемы, формулировал его в выражениях которые впоследствии повторялись нераз противниками большевизма.

[2]) Последняя удостоилась регистрации не сразу.

Но раздражение против правительства в различных слоях населения было слишком велико, чтобы политика сенатских «раз'яснений» могла принести желательные для Столыпина плоды.

В смысле внешнем вторая избирательная кампания протекала в Петербурге приблизительно так же, как в прошлый раз: та же публика, те же борющиеся партии, те же лица за председательским столом и на ораторской трибуне. Но содержание борьбы было уже иное. Я сказал бы: кампания приобрела бо́льшую серьезность.

По прежнему на авансцене шла борьба между большевиками и кадетами. Но как непохожа была эта борьба на лихие схватки прошлой кампании!

Тогда большевики с их бойкотом и кадеты с их «крестом над Казанским собором» соперничали в политическом легкомыслии. Те и другие одинаково сеяли иллюзии, без счета выдавали векселя, по которым не могли заплатить. Теперь, после опыта первой Государственной Думы, спор между партиями принял деловой характер.

В частности, наша ораторская коллегия на этот раз относилась к делу со всей требуемой серьезностью. По поручению товарищей, я внимательно перечел стенографические отчеты первой Государственной Думы и сделал выписки из речей кадетских лидеров; затем, мы наметили те моменты, на которых следовало остановить внимание избирателей: история с земельными комитетами, кадетские законопроекты о собраниях и о печати, обращение к народу по земельному вопросу. Эти моменты вскрывали различие двух тактик: нашей, подчиняющей думскую деятельность интересам организации народных сил для внедумской борьбы, и кадетской, отгораживающейся от народа и ставящей себе целью соглашение с правительством.

Что касается до партии Народной Свободы, то она, как и в первую кампанию, первоначально пыталась устранить из спора тактические вопросы и поставить перед избирателями дилему: или — за правительство Столыпина, или —

за наследников традиций первой Государственной Думы. Но вскоре кадетам пришлось отказаться от этой постановки вопроса и принять бой с левыми на вопросе о тактике в борьбе с реакцией.

* * *

В самом начале избирательной кампании кадетская «Речь» опубликовала разоблачения по делу Гурко-Лидваля.

Мы решили, что это сделано неспроста, что выдвигая вперед дело Лидваля, кадеты хотят показать избирателям, что именно их партия призвана защищать народные интересы и бороться против злоупотреблений правительства.

Но деньги, которыми так ловко распорядился Гурко, были отпущены в распоряжение правительства первой Думой, по настоянию кадетов, вопреки решительным возражениям со стороны социал-демократов, предсказывавших, что деньги будут раскрадены чиновниками, и предлагавших Государственной Думе взять в собственные руки продовольственную помощь населению.

Мы решили напомнить кадетам это происхождение лидвалиады.

Первое предвыборное собрание состоялось, если память не обманывает меня, в Соляном Городке. Докладчиком выступал Милюков. Речь его была посвящена прославлению первой Государственной Думы.

— Избиратели, говорил он, должны решить спор между Думой и правительством. Если вы на стороне Государственной Думы, на стороне законности и свободы, голосуйте за ту партию, за которую голосовали на прошлых выборах. Если вы верите обвинениям, выставленным против этой партии правительством, если вы сочувствуете военно-полевым судам, погромам, сенатским «раз'яснениям» и той системе расходования народных денег, которая проявилась в деле Гурко-Лидваля, — голосуйте за правых.

Мне пришлось и на этот раз «открывать» кампанию со стороны социал-демократов.

— Борьбой между Думой и правительством, сказал я, не исчерпывается история тех 72 дней, о которых вспоминает П. Н. Милюков. Одновременно с этой борьбой, в недрах самой Думы шла борьба двух тактик. Тяжба между народом и его угнетателями не можем быть разрешена избирательными бюллетенями. Но вы должны на выборах высказаться по вопросу о тактике внутри Думы, дать вашим избранникам ясные указания: должны ли они воздвигнуть стену между собой и народом и, без участия народа, вести словесную борьбу с министрами, стараясь их усовестить и столковаться с ними, или вы считаете более правильным тот путь, который в первой Думе отстаивала с.-д. группа.

Затем, я перешел к делу Лидваля и рассказал, как с.-д. фракция боролась против передачи в руки правительства сумм, предназначенных для помощи голодающим, и как кадеты отдали деньги Гурко.

Попытка возложить на партию Народной Свободы ответственность за дело Лидваля вызвала страстные протесты со стороны кадетских ораторов; завязался спор, который продолжался до конца собрания.

В дальнейшем, центральным пунктом борьбы стал вопрос о тактике. По большей части, мы нападали; кадеты защищались. Порой, при благоприятном составе собрания, кадеты переходили в наступление: вспоминали о бойкоте первой Думы, о московском восстании, о второй (ноябрьской) забастовке 1905 года.

Противополагая свою осторожную политику нашей неосторожной тактике, представители партии Народной Свободы охотно обращались к сравнениям из военной истории.

— Левые всегда предлагают штурм, говорили они, а мы рекомендуем осаду власти.

За этим следовали примеры, доказывающие гибельность непрерывных штурмов против неприступных позиций и предпочтительность тщательно подготовленной осады (Плевна, Порт-Артур и т. д.)

Как и в первую кампанию, самым сильным противником социал-демократов был Милюков. Он добивался от нас точного ответа: в чем будет заключаться ваша тактика использования Думы для организации внедумских сил, и почему для этого дела нужны вам думские мандаты?

— Дума, говорил он, сложный инструмент, и пользоваться им можно лишь для определенных целей. Возьмите скрипку, — на ней можно играть. Но нельзя скрипкой заколачивать гвозди, — для этого берут молоток.

Отсюда вывод:

— Не давайте скрипки людям, которые не умеют и не собираются играть на ней! Не выбирайте в Государственную Думу представителей партий, которые не умеют и не собираются законодательствовать!

Но в общем и целом, кадеты чувствовали себя в ходе второй избирательной кампании неуверенно: настроение избирателей было левее их. Чтобы сделать свой кандидатский список приемлемым сравнительно радикальным кругам, партия Народной Свободы заявила, что она выставляет в Петербурге лишь 5 кандидатов, а 6-ое место предоставляет рабочей курии. Затем, в список кандидатов был включен М. М. Ковалевский, который в первой Думе по некоторым вопросам выступал вместе с социал-демократами и тем приобрел репутацию самого левого из русских либералов. Наконец, кадеты украсили свой список именем священника Григория Петрова.

* * *

Высокого роста, с правильными чертами лица, с целой копной седеющих волос, в длинной черной рясе, со строгим, прямым крестом на груди, Григорий Петров представлял

собой наиболее эффектную фигуру второй избирательной кампании. Говорил он просто, задушевно, с чарующей искренностью. Словом владел мастерски, — в минуты подъема речь его лилась, как белые стихи.

Но в политике он был типичным обывателем и, выставив свою кандидатуру по кадетскому списку, никак не мог усвоить ни тактики этой партии, ни отличия ее от других партий.

— Откуда страстность нашего спора? вопрошал он: Мы собрались вокруг постели тяжко больной и горячо всеми нами любимой родины нашей, России. Мы все желаем ей здоровья и сил, все ищем средств, чтобы скорее поднять ее с одра болезни и муки. Каждый из нас предлагает то средство, в которое верит, предлагает его с тем большим жаром, чем горячее пылает в его сердце любовь к страдающей родине . . .

Это был обычный тон речей Гр. Петрова.

Его спрашивали:

— Почему выступаете вы с кадетами, а не с левыми?

— Он отвечал:

— По моему, чем левее партия, тем лучше она. Честь и слава тем, в ком достаточно мужества, чтобы работать и самых левых партиях. Но не все способны итти этим кремнистым путем . . .

Публике это нравилось чрезвычайно. Но на собрании в театре Немети один рабочий, смуглый и черноволосый парень, указал Петрову, какую странную роль он играет.

— Да вы, батюшка, на себя поглядите, говорил рабочий: Разве такие кадеты бывают? Так на что же кадеты вас в Государственную Думу проводят? А у них расчет простой. Пускай, думают, граждане за отца Петрова голосуют. У попа ряса широкая, он под полами в Думу пару кадетов протащит.

* * *

Из наших ораторов в начале кампании наибольший успех имел И. П. Гольденберг. Но полиция вообразила почему то, что он — наш кандидат в Думу, и арестовала его после довольно невинной — великолепной по форме — речи в Тенишевском училище.

Эту речь Гольденберг закончил словами:

— Храните связь с вашими депутатами! Подав голос за кандидатов Р.С.-Д.Р.П., ждите дня, когда ваши депутаты скажут вам: «Граждане! Вы нам нужны . . .»

Здесь, на середине фразы, пристав прервал оратора, заявив, что на лицо — призыв к вооруженному восстанию.

Арестом Гольденберга нашей коллегии был нанесен тяжелый удар.

Рожков не мог говорить на публичных собраниях в виду своего нелегального положения. Григорий (Зиновьев) отказывался выступать, ссылаясь на требования конспирации. Свидерский в самом начале кампании уехал в Прибалтийский край и там — кажется, в Риге — был арестован. Пытались втянуть в предвыборную кампанию Базарова, — оказалось, что у него не хватает голосовых средств для большой и неспокойной аудитории.

Опять главная тяжесть работы пала на «тройку», — Абрама, Николая (Коновалова) и меня.

Абрам на этот раз был слабее, чем во время первой кампании. Но и теперь он был незаменим в полемике с Родичевым. Меньшиков в «Новом Времени» посвятил большую статью (чуть ли не целый подвал) описанию одной встречи Родичева и Крыленко — помнится, в Народном Доме графини Паниной. Он изображал их схватку, как бой между старым волком и молодым львенком.

Но имея против себя более серьезных противников, Абрам начинал нести чепуху, так что нередко даже дружески настроенные слушатели не могли понять, чего он хочет. В этих случаях истинным спасением для него бывало вмешательство полицейского чиновника.

Помню такой случай. Абрам пришел на собрание в весьма «веселом» настроении. Во время речей докладчиков, он то и дело заговаривал со мной, и я никак не мог заставить его сидеть спокойно и слушать. Вдруг председатель вызывает его фамилию. Абрам растерянно подымается.

— Ваше слово, г. Абрамов! повторяет председатель.

Абрам шепчет мне:

— Ей Богу, не знаю, о чем говорить.

Но собрание встречает его появление на трибуне аплодисментами. Он начинает речь:

— Товарищи и граждане!

Широкий жест и длинная пауза. На лице оратора печать глубокого раздумья. Снова взрыв аплодисментов. Помощник пристава начинает ерзать на своем стуле.

Абрам делает знак, что просит тишины, и бросает:

— Пришло время, когда . . .

И опять пауза. В зале напряженная тишина. Помощник пристава поднялся с места.

Абрам повторяет:

— Пришло время, когда российский пролетариат . . .

Но его перебивает голос полицейского чиновника:

— Об'являю собрание закрытым.

Под гром аплодисментов оратор спускается с трибуны.

— Ну, пронесло, шепчет он мне. Я ведь не знал, как кончить фразу. Молодец, выручил! Я пойду, поблагодарю его.

Руководство кампанией со стороны Комитета было слабое; выступали мы, в значительной мере, на свой страх и риск.

Наиболее фракционно настроенные большевики (как Зиновьев, Красиков) были недовольны нами и находили, что мы ведем кампанию не по большевистски и «замазываем» острые вопросы. В ответ мы предлагали нашим критикам самим выступать на собраниях. Красиков принял это предложение, выступил, — и провалился с треском. Желая дать нам образчик настоящей большевистской речи, он

начал с того, что выругал отца Григория Петрова (помнится, обозвал его «безмозглым попом»). Из залы послышались свистки и крики «долой». Оратор задал собранию вопрос:

— Значит, вы не желаете слушать представителя Р.С.-Д.Р.П.?

Ему ответил чей то спокойный голос:

— Мы готовы выслушать представителей всех партий, но вас слушать не хотим, так как вы не умеете вести себя.

Красиков, ретировавшись за кулисы, об'яснял причины своей неудачи:

— Я не знал, что здесь черная сотня собралась.

Больше он не выступал.

Много неприятностей доставляли нам выступления неизвестно откуда появлявшихся большевиков, не входивших в нашу «ораторскую коллегию».

Помню одно многолюдное собрание. Говорил Милюков.

— Социал-демократы не признают Государственной Думы. Зачем же с таким упорством добиваются они избрания в эту Думу?

После него получает слово какой то незнакомый мне молодой человек, демократического вида, волосатый, в простеньком пиджаке поверх черной косоворотки.

— Вы спрашиваете, зачем мы идем в Государственную Думу? Я вам скажу, зачем мы идем в Государственную Думу. Мы идем ее взрывать.

В переднем ряду кто то протянул с досадой и нетерпением:

— Ну — ну — ну . . .

Оратор остановился, прислушался и спросил строго:

— Кто там кричит ку-ка-ре-ку?

Взрыв смеха. Из задних рядов, действительно, раздается кукареканье. Председатель звонит и просит оратора продолжать. Тот, тряхнув волосами, гордо бросает:

— Российский пролетариат не боится вашего ку-ка-ре-ку!

Шум и смех усиливаются настолько, что представитель полиции подходит к председателю и предупреждает его:

— Если не будет восстановлен порядок, я принужден буду закрыть собрание.

Председатель энергично звонит.

— Г. оратор! Покорнейше прошу вас продолжать.

Но оратор молчит, видимо, потеряв нить мысли. Наконец, вспомнил. Сделал шаг вперед, протянул руку над толпой.

— Российская социал-демократическая партия . . .

Помощник пристава, вскочив со своего места, подбежал к председателю . . .

Но оратор уже кончил фразу:

— . . . не боится ваших ку-ка-ре-ку.

И он гордо сошел с эстрады.

Пытались мы «приспособить» к выступлениям на предвыборных собраниях наших приказчиков. Но из этого ничего не вышло: приказчики, недурно говорившие на собраниях своего союза, робели перед чужой аудиторией. Наоборот, удачной оказалась мысль о пополнении ораторской коллегии рабочими. Не только в демократических районах, но и перед цензовиками рабочие ораторы прекрасно справлялись с своей задачей.

* * *

Союз Русского Народа вел избирательную кампанию в своих чайных, в Михайловском манеже, в участках, трактирах. На предвыборные собрания, устраиваемые кадетами и левыми, союзники не являлись. Не видно было и представителей Партии Правового Порядка.

Октябристы развивали энергичную деятельность, но публичным выступлениям предпочитали обход избирателей и агитацию по квартирам.

Партия Мирного Обновления устроила всего лишь одно предвыборное собрание (в Народном Доме Нобеля, на Вы-

боргской стороне). Прошло это собрание необыкновенно весело. По желанию устроителей, оппоненты должны были отвечать докладчику в порядке левизны: большевик, меньшевик, эсэр, трудовик, энэс, кадет.

Я говорил сразу после докладчика. После моей речи, во время перерыва, докладчик, Волков, подошел ко мне и, горячо пожимая мне руку, сказал:

— Совершенно с вами согласен. Как вы нашу программу разнесли! Говорил я им: нельзя с такой дурацкой программой выступать на выборах...

— Как? удивился я: Вы считаете программу вашей партии дурацкой?

— Идиотской! горячо подвердил Волков.

Присутствовавший при разговоре Дан — он должен был говорить от меньшевиков, но отказался от слова — поинтересовался:

— А о нашей программе что вы думаете?

— У вас, господа социалисты, ответил мирнообновленец, программа превосходная, и вы самы превосходные люди.

— Так запишитесь к нам в партию!

Подумав, Волков ответил:

— Не могу. Стар я, да и перед товарищами неудобно: хоть и дурацкая платформа, а вместе вырабатывали.

После перерыва говорил Пешехонов, от народных социалистов.

— Из программы мирнообновленцев и представленного ими доклада, говорил он, можно понять лишь одно: эти люди не выносят крови. Так мало ли кто чего не выносит! Это идиосинкразией называется. От этого нужно лечиться. От этого бром помогает, души холодные, обтирания. Но нельзя же на этом политическую партию строить!

После этого мирнообновленцы не созывали больше избирателей и не выступали на собраниях, устраиваемых другими партиями. А затем, они и вовсе отказались от

самостоятельной избирательной кампании, вступив в блок с кадетами.

Эсэры показывались редко.

С большим успехом выступали народные социалисты: Мякотин, с плавной, певучей, полной поэтических образов речью; Пешехонов, всегда нагруженный цифрами, серьезный, вдумчивый; Тан-Богораз, пересыпавший политические рассуждения неожиданными шутками, анекдотами.

Их речи сводились к критике партии Народной Свободы и к выяснению необходимости внедумской борьбы. Так же, как и мы, они останавливались, главным образом, на вопросах тактики (а не программы).

Очень радикальную позицию занимали трудовики. В частности, В. В. Водовозов в своих устных выступлениях казался несравненно более левым, чем в своих статьях и брошюрах.

Народные социалисты и трудовики были горячими сторонниками предвыборного соглашения с кадетами. Я затруднился бы определить, какой мотив был для них решающим: если они исходили из стремления к сплочению всех оппозиционных сил, то непонятно, почему их выступления на предвыборных собраниях были столь ярко окрашены кадетоедством; если они, подобно меньшевикам, боялись черносотенной опасности, то непонятно, почему в дальнейшем они так легко вступили в «левый блок», который, с точки зрения «черносотенной опасности», представлялся наихудшей тактикой. Вернее всего, народнические группы руководились соображениями о получении мандатов. Этим, быть может, об'ясняется и то, что их переговоры с кадетами сорвались не на принципиальных вопросах, а на споре о распределении мандатов: кадеты согласны были дать 2 места народникам и 1 рабочей курии, а народники требовали себе, минимум, 3 места (по одному для эсэров, энэсов и трудовиков).

Беспартийные выступали редко и почти всегда, на поверку, оказывалось, что оратор, назвавшийся беспартийным, в действительности, самый обыкновенный кадет.

Любимой темой речей «беспартийных» был призыв к соглашению между оппозиционными партиями и к выставлению общего кандидатского списка. В этих речах народникам доставалось за их чрезмерную требовательность, а кадетам — за их уступчивость — выражалось полное одобрение.

* * *

Видную роль играли в предвыборной кампании чины полиции. Получая ежедневно новые указания от начальства, они решительно не знали, какие речи допускать, какие «пресекать». На этой почве то и дело происходили недоразумения.

Однажды полицейский чиновник остановил меня, когда я, развивая мысль о парламентских и внепарламентских методах борьбы, воспользовался примером персидской революции. Я возразил, что Персия не подчинена петербургскому градоначальству, и рекомендовал чиновнику запросить по этому вопросу более точных инструкций.

Чиновник сдался. Но дня через три мне пришлось вновь выступать в том же зале. Представитель полиции, заметив меня в толпе, подошел ко мне и сказал конфиденциально:

— Должен вас предупредить... Я имею указания: если будете о Персии говорить, — я должен сразу собрание закрыть, а на вас протокол составить.

Я изумился:

— Как могли вы получить такое предписание, когда вашему начальству неизвестно, что именно буду я говорить о персидских событиях?

— Указано: если хоть слово будет о Персии, придерживаться того пункта, что собрание уклонилось от повестки.

В повестке вопрос о Персии, действительно, не был предусмотрен...

Два раза за время избирательной кампании полиция арестовывала меня.

Первый раз арестовали в театре Немети за неуважительный отзыв о сенатских «раз'яснениях». Дело кончилось протоколом «на предмет привлечения к законной ответственности».

Другой раз скандал разыгрался в зале Общества Гражданских Инженеров. На собрании присутствовал пристав Московской части, знаменитый в Петербурге Барач. Он был пьян и то и дело перебивал ораторов.

Речи вращались вокруг вопроса о методах воздействия Государственной Думы на исполнительную власть. Я говорил об обращении Родичева к министрам.

— Вспомните, граждане, как г. Родичев в первой Думе взывал к министерской ложе: «Если есть у вас совесть, — уйдите»... А в министерской ложе сидел Гурко. Два вывода должны вы сделать отсюда: 1) У наших министров нет совести, 2) у кадетов нет средств воздействия на бессовестных министров.

Барач крикнул:

— Прошу оратора замолчать! Не допущу, чтобы говорили, что у царских министров нет совести.

Послышался смех, Барач сконфузился, и я получил возможность закончить речь. Когда я спустился со сцены, ко мне подошел околоточный и попросил выдти на площадку к г. приставу, который желает со мной об'ясниться. Я вышел на лестницу. Там стояло не меньше десяти дюжих городовиков. Они моментально обступили меня кольцом.

— Это что значит? спросил я.

Откуда то снизу ответил голос пристава:

— Молчать, не разговаривать! Веди его!

— Куда? вновь спросил я.

— Ко мне, в часть.

Но отправляться в 12-ом часу ночи в часть, в обществе пьяного пристава, мне не хотелось. Я обернулся к залу и крикнул:

— Я арестован. Прошу граждан сопровождать меня в полицию для составления протокола.

Затем спустился с городовыми вниз, взял в гардеробной свое пальто и шапку, и спокойно ждал дальнейшего. Публика высыпала на лестницу. Раздавались нелестные замечания по адресу полиции. У Барача соскочил хмель. Захлебываясь, он подскочил ко мне:

— Что вы делаете?

— Жду свидетелей для протокола.

— Никакого протокола не будет. Я хотел лишь установить вашу личность.

— Всего то? Моей визитной карточки с вас хватит?

— Да... Только скорее, пожалуйста!.. И успокойте публику!..

Городовые ретировались, я вернулся в зал, поблагодарил граждан за содействие, и собрание продолжалось. А после окончания его, несколько десятков человек проводило меня до Фонтанки, составлявшей границу владений Барача.

В общем, действия полиции, увеличивая раздражение обывателей, шли всецело на пользу крайних левых партий.

* * *

В рабочих районах избирательная кампания велась слабо.

Центральный Комитет, правда, наметил весьма широкий план кампании, расчитанный на то, чтобы в ходе выборов и на почве выдвигаемых ими вопросов перестроить партию на западно-европейский лад[1].

Но рабочие не возлагали на Государственную Думу никаких надежд, не интересовались выборами, относились к избирательной процедуре, как к полицейской канители.

Можно было бы попытаться переломить эти настроения, но это требовало об'единенных, согласованных усилий всей партии. А между тем, большевистская часть организации была решительно против плана Центрального Комитета.

[1]) Эта идея была у меньшевиков уже во время первой избирательной кампании.

Не отказываясь от участия в выборах, большевики, вместе с тем, поддерживали среди рабочих отношение к избирательной кампании, как к делу недостойному большого внимания: между прочим, наряду с более серьезными вещами, этим делом заниматься не зазорно, но отдавать ему все силы — никогда! Предлагать это могут лишь тайные кадеты.

И чем настойчивее Центральный Комитет призывал к предвыборной мобилизации всех сил партии, тем больше усиливалась оппозиция этой тактике со стороны большевиков.

При таких условиях, избирательная кампания среди рабочих не могла развиваться.

Близость выборов не внесла в партийную организацию значительного оживления.

В этом смысле показательна была январьская общегородская конференция. Подготовлялась она без малого два месяца, погоня за голосами со стороны обеих фракций шла отчаянная, — и сколько же оказалось в организации членов? По представленным обеими фракциями мандатам, не полных 4000 человек! Но эта цифра была преувеличена, по крайней мере, в два раза, а может быть, и в четыре раза.

Организация, как я отмечал уже, была не только приведена в скелетическое состояние, но и отравлена в небывалой степени ядом внутренней межфракционной вражды. Яростные нападки большевиков на Центральный Комитет и столь же резкие выпады меньшевиков против Петербургского Комитета дискредитировали партию в глазах массы. На заводах, вокруг и без того ослабленных партийных ячеек, создавалась атмосфера недоверия, враждебности.

В период междудумья и, в особенности, за время второй избирательной кампании, мы потеряли петербургский пролетариат не только организационно, но и идейно. И это сказалось на выборах по рабочей курии 7—14 января.

* * *

На большей части крупных заводов в уполномоченные были выбраны эсэры или беспартийные, сочувствующие эсэрам.

Этот результат голосования явился для нас совершенной неожиданностью: эсэры не только не имели среди петербургских рабочих прочной организации — организацией и мы не могли в то время похвастать, — но у них работа велась лишь кое где и кое как. За неделю до выборов мы посмеялись бы над тем, кто вздумал бы говорить об «эсэровской опасности» на петербургских заводах. И вдруг, — Семянниковский, Обуховский, Путиловский и другие заводы забаллотировали с.-д. кандидатов и отдали свои голоса кандидатам социалистов-революционеров!

Большевики винили за поражение партии меньшевиков.

«Пролетарий» писал: «Меньшевики повернули к кадетам, — пролетариат петербургский отвернулся от меньшевиков. Эсэры использовали момент раскола в рядах социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков» . . .

Эта оценка положения давала газете основания разразиться далее такой тирадой: «Вот до какого позора довели социал-демократию эти жалкие оппортунисты, способные накануне выборов отказываться от рабочей партии ради того, чтобы торговаться о местечках с кадетами. Для всякого социал-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один вывод: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге. Мы должны изгнать из рабочих предместий людей, которые своей кадетской политикой отталкивают рабочих от социализма к революционной буржуазии. Мы будем преступниками, если станем считаться перед лицом насущных политических задач с формалистическими рамками и с закорузлыми иерархическими соображениями. . .»[1])

[1]) «Пролетарий». № 12, от 25 января 1906 г.

Но часть организации склонна была делать иные выводы из понесенного партией поражения: объясняли его межфракционной грызней, перешедшей границы допустимого.

Между тем, собрались уполномоченные фабрик и заводов, выбранные 7 — 14 января, и оказалось, что 147 человек из их числа примыкают к с.-д. партии, 108 — к партии эсэров, а 31 считают себя беспартийными.

Таким образом, у нас было все же большинство!

Произошло это в результате особенностей закона 2-го декабря, дававшего одинаковое представительство заводу с 1.000 рабочих и ремесленной мастерской с 50-тью рабочими. Нужно сказать правду: социал-демократы подавили эсэровские голоса крупных заводов голосами городских мелких предприятий, и, в частности, типографий.

Социал-демократическим кандидатом по рабочей курии шел Алексинский. Эта кандидатура была указана Петербургскому Комитету из большевистского центра. Часть товарищей была против нее: говорили, что Алексинский человек ненадежный. Предлагали проводить самого Ленина: это было не трудно, так как Алексинский шел, как корректор партийной (или полупартийной) типографии «Дело», и можно было записать на это место кого угодно. Но Ленин снял свою кандидатуту, ссылаясь на то, что неизвестно, долго ли просуществует Дума. Говорили о кандидатуре Базарова. Но он отказался.

Одно время Ленин, как будто уступая противникам кандидатуры Алексинского, заговаривал о том, что можно было бы провести в Думу Сергея Малышева.

— Чем это не кандидат? говорил он: Сразу видно, что рабочий. И в Думе он за себя постоит: коли что, не задумается председателю в морду в'ехать . . .

Но это была кандидатура несерьезная. И в конце концов, соперников у Алексинского не оказалось.

Социалисты-революционеры, со своей стороны, проводили Евгения Колосова. Он работал монтером на заводе